

Антонов Евгений Алексеевич

О МОДЕЛЯХ ИНТЕГРАЦИИ ФИЛОСОФСКИХ МЕТОДОВ

Статья посвящена исследованию моделей интеграции философских методов, осмыслению их эпистемологического статуса в современной философии. Автор анализирует четыре модели интеграции методов философии: дополнительности, сращивания, синтеза, компаративности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. II. С. 16-20. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

8. Коэн Д. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория / пер. с англ.; общ. ред. И. И. Мюрберг. М.: Весь Мир, 2003. 134 с.
9. Лейст О. Э. Гражданское общество, государство и право // Теория государства и права / под ред. М. И. Марченко. М., 1999. 226 с.
10. Мамут Л. С. Гражданское общество и государство: проблема соотношения // Общественные науки и современность. 2002. № 5.
11. Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. М.: Эксмо, 2005. 448 с.
12. О создании молодежного этнического совета при администрации города Ставрополя [Электронный ресурс]: постановление администрации города Ставрополя от 1 июня 2010 г. № 1736. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
13. Пастухова Л. С. Вопросы закрепления молодежного парламентаризма в нормативных правовых актах на международном, федеральном и региональном уровнях // Юридический мир. 2007. № 6.
14. Переверзев М. П., Калинина З. Н. Менеджмент в молодежной политике. М.: ИНФРА-М, 2007. 239 с.
15. Петрова Т. Э. Основы работы с молодежью. М.: Альфа-М, 2010. 224 с.
16. Положение о молодежном этническом совете при администрации города Ставрополя [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
17. Послание Президента Федеральному Собранию 30 ноября 2010 года [Электронный ресурс]. URL: <http://президент.рф/news/9637>
18. Прохорова О. Г. Воспитание человека в малом городе России. М.: Московский психолого-социальный институт, 2008. 232 с.
19. Ревнова М. Б. Учение о личности, обществе и государстве и русской философии права: дисс. ... канд. юрид. наук. Коломна, 2000.
20. Савина Л. В. Молодежные общественные объединения современной России: институционально-правовой анализ: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006.
21. Ставрополь – город межэтнического согласия и межконфессионального диалога: материалы научно-практической конференции. Ставрополь, 2009. 345 с.
22. Швердяев С. Н. Перспективные направления развития категории гражданского общества // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 16.
23. International Celtic Congress [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ccheilteach.ie/cc-hist-mellis>

YOUTH PARLIAMENTARISM AS CIVIL SOCIETY ELEMENT IN THE CONSTITUTIONAL LAW OF RUSSIA

Andrei Savvovich Akritov
Department of State and International Law
Stavropol' State University
andrey-akritov@mail.ru

The author presents some characteristics of youth civil initiatives organizational forms and youth parliamentarism phenomenon, in particular considers the activities of youth ethnic council under Stavropol' city administration, analyzes the organizational foundations and practical results of its functioning and determines the highest priority directions in social, ethnic, cultural and educational aspects of city youth life activities.

Key words and phrases: civil society; youth parliamentarism; ethnic council; Constitution; state youth policy.

УДК 1

Статья посвящена исследованию моделей интеграции философских методов, осмыслению их эпистемологического статуса в современной философии. Автор анализирует четыре модели интеграции методов философии: дополнителности, сращивания, синтеза, компаративности.

Ключевые слова и фразы: современная философия; постмодернизм; методологический плюрализм; методологическая культура; модели; интеграция методов; дополнителность; синтез; компаративистика.

Евгений Алексеевич Антонов, д. филос. н., проф.
Кафедра философии
Национальный исследовательский университет «БелГУ», г. Белгород
Antonov@bsu.edu.ru

О МОДЕЛЯХ ИНТЕГРАЦИИ ФИЛОСОФСКИХ МЕТОДОВ[©]

В начале XXI столетия в составе философского знания происходит увеличение удельного веса методологии, что связано со сложностью решаемых проблем и расширением спектра применяемых методов. Поэтому важнейшей задачей философии становится приведение ее методологических средств в соответствие с новой парадигмой мышления. Между тем, как отмечает Ю. Н. Солонин, «в наше время методология - самая застойная область как

философии, так и в целом в теоретико-научных исследованиях. Ее не просто обходят, в ней не ощущают особой надобности» [21, с. 9]. Возникновению кризисной ситуации в философии способствовало и то, что с середины XX века «формируется постмодернистская позиция эпистемологической проблемы метода и самого понятия субъективности как ее основания, противопоставляющих субъективизм как своеобразную альтернативу методологизму эпистемологии» [11, с. 32]. В постмодернистской философии происходит не только стирание границ и специфики философских методов, но и реализация ее радикальной ориентации на «многоголосицу» методов. Этому же содействует и продолжающаяся нигилистическая критика классической модели метода представителями методологического анархизма, сопровождающаяся полным отказом от любого метода – *anything goes* («допустимо все»). При помощи этого принципа П. Фейерабэнд выносит познание за границы рационального, отрицая строгость научного метода, к которому К. Поппер сводит метод философии. Таким образом, в постпозитивизме «позитивизм находит свое постмодернистское измерение» (О. Христофорова).

Выход из кризиса видится в выдвигании принципиально новых методологических представлений, идей и проектов, в частности, в разработке интегративной философской методологии. Поэтому философия, включаясь в интеграционные процессы, происходящие в мировой культуре, начинает играть роль критической рефлексии над основаниями взаимосвязи философских методов и их интегратора. Как справедливо отмечает В. А. Асеев, «интеграция философии предполагает, во-первых, восстановление всех ее функций и их концептуальное воссоединение, а, во-вторых, взаимопонимание, терпимость, конструктивный диалог между главными философскими направлениями и школами. Для такой интеграции... созрел ряд научных и методологических предпосылок» [3]. В частности, интегративный подход к конструктивному диалогу между философскими учениями, школами и направлениями открывает путь к содержательному выяснению оснований взаимосвязей методов философии как в историческом, так и в современном ракурсах. Его реализация становится возможной в контексте актуализации возвращения к метафизическим проблемам в философии.

Обращение к истории мировой философии показывает, что история западной философии неразрывно связана с историей науки, что нашло отражение и в трактовке метода. «История развития метода философии, – как утверждает Л. А. Микешина, – это одновременно и история научного метода, его дифференцирования и становления. Интегрированность элементов философского и научного знания в античности и средневековье, появление специально-научных методов (экспериментальных и математических) в новое время и стремление философии ориентироваться на эти методы, наконец, осознание того, что метод философии не тождественен методу специально-научного исследования, – такова схема развития отношения между методами философии и науки» [13, с. 7]. Действительно, в новоевропейской философии длительное время не учитывалось своеобразие философского метода. Так, например, Р. Декарт, специально исследуя эту проблему, утверждал, что методом построения философского знания должен быть метод математической дедукции. Данная установка стала типичной для западноевропейских мыслителей Нового времени.

Идея философского метода получает концептуальное обоснование лишь в немецкой классической философии. И. Кант в работе «Исследование отчетливости принципов естественной теологии и морали» (1763 г.) первым поставил вопрос о своеобразии философского метода, в качестве которого выступил разработанный им трансцендентальный метод. Универсалистский тип классической рациональности был доведен до предельной возможности совершенства в философии Гегеля, где ранее созданные принципы «снимаются» в спекулятивном, диалектическом методе.

В гегелевской философии довольно полно представлена интеграция философских знаний в форме тотального синтеза всех предшествовавших учений. Кроме того, немецкий философ узрел единую линию, просматриваемую в истории философии, и в качестве конкретно-исторических синтезов рассматривал отдельные философские учения. «*История философии*, – писал он, – показывает, во-первых, что кажущиеся различными философские учения представляют собой лишь *одну* философию на различных ступенях ее развития; во-вторых, что особые *принципы*, каждый из которых лежит в основании одной какой-либо системы, суть лишь *ответвления* одного и того же целого. Последнее по времени философское учение есть результат всех предшествующих философских учений и должно поэтому содержать в себе принципы всех их; поэтому оно, если только оно является философским учением, есть самое развитое, самое богатое и самое конкретное» [1, т. 1, с. 99].

Эта «методологическая позиция, претендующая на познание всего, включая и самое себя, т.е. на провозглашение некой абсолютной точки зрения, – как отмечают С. Б. Крымский и Б. А. Парахонский, – возможна лишь в плане потенциальной перспективы, прочерчиваемой через исторически относительные уровни конечного опредмечивания методологического сознания в познавательных результатах той либо иной эпохи. Иначе говоря, можно утверждать лишь многоуровневость всеобщности философского метода, реализуемого в соответствии с исторически раздвигаемым пределом конкретного осуществления познания» [12, с. 44].

Развернувшаяся с середины XIX века резкая и многосторонняя критика гегелевской тотальной философии способствовала затуханию интеграционного движения в философии и плюрализации методологического сознания. Одновременно происходило конструирование новых методов философской деятельности (диалектико-материалистического, феноменологического, прагматического, герменевтического и др.), но основное внимание философы уделяли специфике того или иного философского учения, а не установлению связей между ними. Характеризуя ситуацию в западноевропейской философии середины XX века, Ю. М. Бохенский писал: «Часто внутри одной и той же философской школы происходит раскол из-за применения разных методов, в частности, логико-математического анализа, с одной стороны, и феноменологического метода, с другой. И хотя ряд философов не склоняются ни к тому, ни к другому методу или же хотели бы их применять одновременно, все-таки похоже, что сегодня именно в этом пункте многие расходятся друг с другом» [6, с. 43]. В значительной мере это

было связано с поверхностным взглядом на рассматриваемую проблему, поскольку при более глубоком ее понимании оказывается, что многие философские учения и школы не опровергают, а, скорее, восполняют друг друга.

Социокультурные устремления современной эпохи таковы, что на смену конфронтационизму и плюрализму начинает приходить интегративизм. В этих условиях решение вопроса о путях интеграции философских методов осуществляется в различных направлениях. Прежде всего, исследователи в качестве важнейшей методологической установки активно используют общенаучный принцип дополнительности Н. Бора. Так, М. А. Дрюк, анализируя соотношение позитивизма и герменевтики как типов рефлексии над структурой и динамикой философского знания, утверждает, что эти методы «выступают не как взаимоисключающие противоположности, а как разные, часто предельные, но дополняющие друг друга измерения исследуемой реальности» [9, с. 3]. В свою очередь Т. Н. Брысина, анализируя использование диалектики и феноменологии при решении проблемы понимания сознания, заявляет, что в философском методе на основе принципа дополнительности возможно «преодоление различия между диалектикой и феноменологией в решении вопроса о характере многообразия ее основы. Противоречивость и гармония сами становятся компонентами целостности, а взаимодополняемость выступает ее фундаментом» [7, с. 17]. Таким образом, если в первом случае осуществляется методологическая интеграция позитивизма и герменевтики, то во втором – диалектического и феноменологического методов по модели дополнительности. В более широком плане на основе принципа дополнительности рассматривает синтез трех философских направлений В. Н. Сагатовский. «Среди направлений, предложивших свои пути выхода из кризиса 40-х годов XIX века, марксистская философия выражает идеи материализма, экзистенциалистская и позитивистская философия тяготеют к субъективному идеализму, религиозная философия стоит на позициях объективного идеализма. Идея синтеза заключается в том, что три указанных направления не столько исключают, сколько – в определенных отношениях – дополняют друг друга» [19]. И здесь важно учитывать, что постструктуралистская методология «деконструкции» не имеет ничего общего с методологией дополнительности и вряд ли справедливы отождествления «дополнительности» Н. Бора с «восполнительностью» Ж. Деррида [14, с. 8].

В современной западной философии усиливается тенденция к интеграции различных философских учений и методов в форме «сращивания». Перед современной философией, по мнению П. Рикера, открывается изучение путей на основе того, что «можно было бы назвать *прививкой герменевтической проблематики к феноменологическому методу*» [16, с. 33]. О сращивании прагматизма с аналитической философией пишет К.-О. Апель: «В наше время этот прагматизм-инструментализм превратился в составную часть аналитической философии и публично действующего мышления в широчайшем смысле. Можно сказать, что прагматизм является функционирующей философией публичной жизни западного индустриального общества» [2, с. 274]. Более широкий подход к решению этой проблемы представлен в философии П. Рикера, которая явилась результатом творческого осмысления трех традиций: рефлексивная философия (неокантианство в широком смысле слова как совокупность концепций, сформировавшихся под воздействием идей И. Канта), феноменология и герменевтика. Сам он в одном из интервью говорил, что «стремился наладить диалог европейской и американской культур, поддерживать взаимодействие традиций рефлексивной философии, феноменологии, герменевтики и аналитической философии» [20, с. 12]. По поводу диалога традиций Р. Рорти писал: «Такой проект имел бы смысл, если бы, как говорится, две стороны решали общие проблемы разными “методами”» [18, с. 449]. Прагматическая реализация принципа «сращивания» привела к появлению своеобразных методологических симбиозов (прагматическая герменевтика – Р. Рорти, феноменологическая герменевтика – П. Рикер).

Известный представитель постмодернизма Ж. Деррида предложил с помощью метода «черенков и прививок» находить в произведении маргинальный, а то и вовсе внетекстовый смысл и объявлять его магистральным. Однако, поскольку «маргинальность не может иметь значения всеобъемлющего условия человеческого существования» [20, с. 52], то постмодернистская «философия по краям» с ее весьма сомнительными методами не в состоянии отвергнуть подлинно философскую традицию и занять магистральный путь в развитии мировой философии.

Интегративные процессы в современной отечественной философии принимают весьма причудливые формы. Так, в последние годы все чаще раздаются голоса о синтезе диалектического материализма и позитивизма (А. Д. Дорожкин, В. А. Войтов), диалектического материализма и прагматизма и создании прагмодialeктического материализма (Ю. И. Семенов). Несколько иное понимание синтеза между философскими учениями предложено С. И. Дудником. «По существу, – пишет он, – не было найдено вполне убедительного контраргумента против тезиса, что марксизм оказался ничем иным как синтезом гегелевской диалектики и позитивизма. Мы бы его уточнили только в такой форме: синтез диалектики и научного рационализма, ибо Гегель и позитивизм есть обозначение конкретных редакций того и другого» [10, с. 160-161]. Вряд ли можно всерьез принимать это заявление, учитывая как особенности материалистической диалектики, так и негативное отношение ее разработчиков – К. Маркса и Ф. Энгельса – к позитивизму.

В истории отечественной философии неудачные попытки синтеза различных философских учений и их методов встречались неоднократно. Достаточно вспомнить опыт создания тектологии А. А. Богдановым, пытавшимся объединить марксистскую философию с позитивизмом и скатившимся на позитивистские позиции. В начале XX века он писал, что «по мере своего развития тектология должна делать излишней философию, и уже с самого начала стоит над нею, соединяя с ее универсальностью научный и практический характер» [5, с. 141]. Анализируя философские взгляды этого крупного русского мыслителя, А. Л. Андреев и М. А. Маслин приходят к выводу, что «через понятие социально организованного опыта специфические понятия махизма у Богданова сопрягаются с понятийными рядами и проблематикой марксизма... По сути своей эмпириомонизм – это «пограничное» философствование, в то время еще редкое в марксизме, но во второй половине XX века сделавшееся достаточно обычным и проявившее себя в различных сочетаниях: марксизм и экзистенциализм,

марксизм и фрейдизм, марксизм и структурализм, марксизм и феноменология и т.п.» [1]. Приведенные примеры свидетельствуют о необычайной сложности процесса интеграции различных философских учений и необходимости глубокого продумывания предпринимаемых действий в области их интеграции по методам.

Следующий этап в развитии интеграционных процессов в современной философии связан с их выходом на уровень мировых философских культур. Компаративистское, или даже более широко, интеркультурное исследование философских проблем становится одной из эффективных исследовательских стратегий, позволяющих анализировать явления фундаментального уровня. В компаративистике закладываются новые возможности создания методологии интегрирования мировой философии на основе диалога культур, поскольку «цели философской компаративистики изначально были связаны... с идеей утверждения синтеза философских традиций, поиском методологических оснований интегрированных процессов в современной философской мысли» [15, с. 16]. И если в прежние эпохи диалог культур был, как правило, локальным и линейно направленным, то сегодня возникает возможность многомерного диалога интеркультурного характера.

Взаимодействие философских методов в контексте мировых философских культур способствует их взаимопроникновению и интеграции. Этот способ интеграции в результате взаимопроникновения философских методов получил в отечественной философии название «интеграция по методу» (П. В. Алексеев, А. В. Панин). Дальнейшая разработка системной интеграции философских методов предполагает, что «любая система имеет определенную интегрированную структуру, состоящую из отдельных частей (элементов)», а «сама система обладает качественно новыми (*интегративными* – Е. А.) свойствами в сравнении со свойствами составляющих ее элементов» [4, с. 13].

Таким образом, нарождающееся интегративное движение в философии является парадигмальным ответом на многочисленные вызовы нашего времени, связанные с попытками создать внутренне непротиворечивый подход к решению проблемы единства и многообразия философского метода. В рамках этого движения можно выделить, на наш взгляд, четыре модели интеграции философских методов: 1) первая модель базируется на принципе *дополнительности*; 2) во второй модели основанием выступает принцип *сращивания*, включающий в себя такую методологическую операцию как *прививка*; 3) в качестве третьей модели можно назвать *синтетическую*, предполагающую синтез различных философских учений и школ, а также их методов; 4) применительно к современной мировой философии можно выделить четвертую модель, основанную на принципе *компаративности*. В этих моделях заложены концептуальные основания для создания новых форм методологического интегративизма и реализации их эвристических потенций в области философской методологии.

Список литературы

1. Андреев Ф. Л., Маслин М. А. А. А. Богданов как философ и социальный мыслитель [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ihtst.ru/projects/sohist/papers/anmas03b.htm> (дата обращения: 22.09.2011).
2. Апель Х. О. Трансформация философии. М.: Логос, 2001.
3. Асеев В. А. Оптимизация методов образования и их инноваций [Электронный ресурс]. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/aseev/educinnov_04.html (дата обращения: 23.07.2011).
4. Ашмаров И. А., Фетисова Е. С. К вопросу о методологии историко-экономических исследований // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 1 (2). С. 13-15.
5. Богданов А. А. Тектология: всеобщая организационная наука: в 2-х кн. М.: Экономика, 1989. Кн. 1.
6. Бохенский Ю. М. Современная европейская философия. М.: Научный мир, 2000.
7. Брыкина Т. Н. Симбиоз методологий – специфика современного состояния философии // Философия в современной культуре: состояние и перспективы. Ульяновск, 1998.
8. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974. Т. 1. Наука логики.
9. Дрюк М. А. Позитивизм и герменевтика как взаимодополняющие типы рефлексии над структурой и динамикой философского знания // Ученые записки Таврического национального университета. 2001. Вып. 6.
10. Дудник С. И. Философия в движении от классического к современному образу // Парадигмы исторического мышления XX века: очерки по современной философии культуры. СПб., 2001.
11. Колесников А. С. Обозримые тенденции становления философии в начале XXI века // Историко-философский ежегодник - 2006 / Институт философии РАН. М., 2006.
12. Крымский С. Б., Парахонский Б. А. Понятие метода и стиля теоретического мышления // Методологические проблемы развития материалистической диалектики / под ред. проф. А. С. Кармина, доц. Д. А. Гущина. Л., 1980.
13. Микешина Л. А. Философское знание как объект методологического анализа // Методологические проблемы развития материалистической диалектики / под ред. проф. А. С. Кармина, доц. Д. А. Гущина. Л., 1980.
14. Огурцов А. П. Постмодернизм в контексте новых вызовов науки и образования // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2006. № 1 (4).
15. Петякшева Н. И. Компаративистика как основа интеркультурности? // Рабочие тетради по компаративистике. Гуманитарные науки, философия и компаративистика. СПб., 2003.
16. Рикер П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2002.
17. Рикер П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004.
18. Рорти Р. Философия в Америке сегодня // Аналитическая философия: становление и развитие. М., 1998.
19. Сагатовский В. Н. Философия антропокосмизма в кратком изложении. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2005.
20. Сергеев К. А., Перов Ю. В. Гегелевская история философии в контексте новоевропейской метафизики // Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. СПб., 2001. Книга первая.
21. Солонин Ю. Н. Методологический кризис в философии: его основания и перспективы разрешения // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2009. № 3.

ABOUT INTEGRATION MODELS OF PHILOSOPHICAL METHODS

Evgenii Alekseevich Antonov, Doctor in Philosophy, Professor
Department of Philosophy
National Research University "BelSU" in Belgorod
Antonov@bsu.edu.ru

The author studies the integration models of philosophical methods, their epistemological status understanding in modern philosophy and analyzes four integration models of philosophical methods: complementarity, matching, synthesis and comparative studies.

Key words and phrases: modern philosophy; postmodernism; methodological pluralism; methodological culture; models; methods integration; complementarity; synthesis; comparative studies.

УДК 130.2

В статье рассматриваются мультикультурализм и культурный консерватизм сквозь призму «культурной травмы», полученной российским обществом в ходе социокультурных трансформаций конца XX – начала XXI столетия. Внимание уделяется проблеме сохранения «коллективного» и «исторического» как проявления «культурного консерватизма», необходимого для выхода из состояния «травмы».

Ключевые слова и фразы: социокультурные трансформации; транзитивный период; мультикультурализм; культуроцентризм; культурная традиция; омасовление; массофикация; культурная преемственность; общекультурная идентичность.

Елена Леонидовна Антонова

Кафедра теории и истории культуры
Белгородский государственный институт культуры и искусств
E-pi-fan@yandex.ru

Александра Евгениевна Таранова

Кафедра социальной работы
Белгородский государственный научно-исследовательский университет
Taranova@bsu.edu.ru

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ РЕФОРМИРУЕМОЙ РОССИИ[©]

Социокультурные процессы, протекающие в переходном российском обществе – явление сложное, трудно дифференцируемое и не поддающееся однозначному определению. Тем не менее, в их течении просматриваются разнонаправленные – «центробежные» (мультикультурализм) и «центростремительные» (культурный консерватизм) – тенденции, усиливающие «раздвоение, раскол, противоречивость, конфликт внутри культуры, ... охватывающие ключевые компоненты культуры – ценности, верования, нормы общества» [14], вызванные «культурной травмой», полученной российским обществом в ходе социокультурных трансформаций конца XX – начала XXI столетия.

Противостоящие друг другу в политике, экономике, науке и образовании как идеологемы, «мультикультурализм» и «культурный консерватизм» по-разному воздействуют на общественное сознание: если первый выступает как фактор разобщения социума на основе мультиидентичности, то второй направлен на интеграцию общества на основе культурной преемственности. Однако затянувшийся процесс перехода, с одной стороны, стал началом нового цикла травматической последовательности, связанного с мировым экономическим кризисом, с другой, резко сузил фонд культурных ресурсов, необходимых для выхода из состояния «травмы» [Там же]. В этих условиях сохранение «коллективного» и «исторического» [15]¹ – как проявление «культурного консерватизма»² – помогает избежать тяжелых последствий «культурной травмы», полученной обществом в ходе социокультурных трансформаций.

Впервые культурный консерватизм как «идеологическая» проблема заявляет о себе после буржуазной революции в Европе, когда на фоне кардинальных изменений в экономическом устройстве западноевропейского общества, необходимых для создания мирового рынка, начинает формироваться «гражданское» общество как «новая» форма самоорганизации в городской среде, потребовавшая смены идентичности с этнической на

© Антонова Е. Л., Таранова А. Е., 2011

¹Анализируя аналогичное состояние западного общества, П. Штомпка выделяет три уровня «культурной травмы», полученной социумом в ходе социокультурных трансформаций последнего столетия: это уровень индивидуальных биографий, коллективный (утрата групповой идентичности) и исторический [14].

²Культурный консерватизм – обращение к исторически сложившимся культурным традициям, общественной нравственности, стереотипам социального взаимодействия, имеющим в каждой культуре свою специфику.